

СОЗИНА Е. К.

Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б. Н. Ельцина

Ф. М. РЕШЕТНИКОВ

**В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ
(XIX – начало XX в.)***

Рассматривается оценка творчества известного уральского писателя Ф. М. Решетникова в отечественной критике XIX — первых десятилетий XX в., публиковавшейся главным образом в периодических изданиях. Выделяются различные подходы критиков к Решетникову: биографический подход, оценка нового художественного метода («народный реализм»), определение своеобразия писателя через этноидентичность его самого и героев. В советскую эпоху Решетников становится первым писателем, выразившим интересы рабочего класса, и к нему активно применяются социологические методы анализа.

Ключевые слова: биографический миф, критическая интерпретация и оценка, социологический подход.

Sozina E. K.

**F. M. Reshetnikov in Russian and regional press
(XIX — the beginning of XX Century)**

The assessment of creativity of the famous Ural writer F. M. Reshetnikov in domestic criticism of the 19th – the first decades of the 20th century is performed. There are various approaches of critics regarding Reshetnikov's works: the biographical approach, evaluation of the new artistic method («folk realism»), the definition of the identity of the writer through his ethnic identity and his heroes. In the Soviet period, Reshetnikov became the first writer to express the interests of the working class, and sociological methods of analysis are actively applied to it.

Keyword: biographical myth, critical interpretation and evaluation, sociological approach

Творчество известного уральского писателя Ф. М. Решетникова на протяжении его жизни и после смерти сопровождалось самыми разнородными и нередко противоречащими друг другу отзывами критики, публиковавшимися в современной ему газетной и журнальной печати. Прослеживая пути интерпретации и оценки личности и творчества Решетникова по отзывам критиков, мы можем наблюдать, как моделируется своеобразный миф о демократическом писателе-разночинце, творце книги о несчастных Пиле и Сысойке, а этот миф сыграл немалую роль в литературно-критическом сознании последующего XX в.

Наиболее полный и яркий биографический очерк Решетникова дал Г. И. Успенский в статье 1871 года, опубликованной в авторитетном журнале того времени (Успенский Г. И. Некролог. Ф. М. Решетников // Отечественные записки. 1871. Т. 195. № 4), затем в доработанном виде включенной им в 1-й том солдатен-

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-14-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

ковского собрания сочинений 1874 года. Подробно воссоздавая период жизни Решетникова до отъезда в Петербург, критик осуществил нечто вроде психологического анализа души Решетникова-подростка и юноши. Но, как справедливо указывал Векслер, статья Успенского «создала и ряд легенд в биографии Решетникова» [1, с. 582], с его «легкой руки» многие критики как о достоверном факте говорили о тяжелом детстве писателя, бесконечных побоях в семье дяди, учебе в бурсе, двух побегах из нее и т. д. Все это почти дословно повторяли в своих критических очерках В. Буренин (Буренин В. Журналистика // С.-Петербургские ведомости. 1871. 1(13) мая), Н. К. Михайловский (Михайловский Н. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1874. № 3), Е. Колтоновская (Колтоновская Е. Памяти Ф. М. Решетникова // Вестн. Европы. 1911. № 3), пермский критик В. А. Весновский (Весновский А. Ф. М. Решетников. Его жизнь и литературная деятельность // Уральская жизнь. 1900. № 30, 35, 40, 47, 52, 59, 67) и многие другие. Восстановить правду и реабилитировать дядю, воспитавшего будущего писателя, пытался земляк Решетникова, хорошо его знавший Н. Н. Новокрещеных. Он отметил, что Г. Успенский писал биографию Решетникова «преимущественно по очерку „Между людьми“», где многое (в частности, бурса) было изображено по образцу «Очерков бурсы» Н. Помяловского. «Все мы выросли одинаково, — писал Новокрещеных, выводя Решетникова из класса исключительных мучеников и сирот-страдальцев, — гувернеров у нас не было, и пороли нас и били, но и то другое наказание не носило характер истязаний, систематического битья, и едва ли кто из нас вспомнит об этом» (Новокрещеных Н. Воспоминания о Ф. М. Решетникове // Пермский край. 1901. 9 марта). По мнению мемуариста, Решетников сам «создал себе жизнь из сомнений, мучений и одиночества» (Там же. 10 марта). Тем не менее для основной массы демократической, а затем социалистической критики Решетников оставался неуязвим как тяжело страдавший сам и потому правдиво описавший невыносимые страдания «униженных и оскорбленных». Буквально с самого начала он стал знаменем в освободительной борьбе за народ и выразителем его сокровенных чаяний. «Разночинец пришел» — под этим лозунгом Решетникова сделали едва ли не вождем нового литературного направления Н. Михайловский, В. Буренин и др., противопоставляя при этом молодую «плебейскую» литературу современности дворянской литературе писателей 1840-х гг.

Этот подход к Решетникову был показательно развит в работах А. Скабичевского, оценивавшего Решетникова, исходя из необходимости создания новой литературы реализма. По мысли Скабичевского, Решетников ближе всех стоит к «реальному» искусству, но его произведения «знакомят вас с одним только уголком вашей жизни... далеко не имеют общенародного значения...» (Скабичевский А. Живая струя. (Вопрос о народности в литературе) // Отечественные записки. 1868. Т. 177. № 4). Яркий поколенчески-социологический срез современной ему литературы дал П. Ткачев, также определяя в ней место Решетникова. Романы Решетникова приводят нас к необходимости поддержки и развития «бедной невежественной массы» со стороны «цивилизованной толпы», наделенной знаниями и более высоким умственным развитием (Ткачев П.

Разбитые иллюзии. (Окончание) // Дело. 1868. № 12), т. е. «критически мыслящих личностей», созданию и воспитанию которых отдавали свои силы народнические идеологи и публицисты. Отсюда Ткачев одним из первых поставил творчество Решетникова на службу социальным, внеэстетическим задачам, что в свою очередь объясняет резкий отпор произведениям Решетникова со стороны «правой» и либеральной критики.

Одной из постоянных тем в статьях критиков позапрошлого века был вопрос об этнической идентификации персонажей Решетникова и его самого. Д. Аверкиев упрекал Решетникова в том, что он описывает народ «как дикарей, как чудовищ каких-то, глотающих сушеную рыбу» (Аверкиев Д. По поводу самопризнаний двух петербуржцев // Эпоха. 1864. № 11). По мнению В. Чуйко, героев Решетникова «по культурному развитию можно сравнить лишь с папуасами Миклухи-Маклая» (Чуйко В. В. Беллетрист-самородок (По поводу нового издания сочинений Ф. М. Решетникова) // Наблюдатель. 1890. № 8). Этот колонизаторский (по справедливому определению И. Векслера) пафос достиг наивысшего градуса в статьях В. Авсеенко, который писал: «Герои его в той же мере русские люди, в какой это название приличествует самоедам, приезжающим зимой с оленями в Петербург, или оренбургским башкирам» (Авсеенко В. Г. Реальная беллетристика // Русский вестник. 1875. № 4). Из логики рассуждений этих критиков вытекало, что если русское общество все-таки приняло «Подлиповцев» за «своих», то только в силу воспитанного в течение всего века сознания «вины» перед народом и ответственности за его страдания. Подчеркивая «ужасную» правду Решетникова, М. Цебрикова писала: «...он показал картину такого страшного вырождения, что беспечный образованный люд содрогнулся. <...> Они тупое, жалкое, забитое племя, которое обречено на вымирание — и это племя существует в цивилизованном государстве!» (Цебрикова М. Летописец темного люда (Романы, повести и рассказы Ф. Решетникова) // Русские общественные вопросы. Сборник «Недели». СПб., 1872). Таким образом, в подпочве ужаса и сострадания к героям Решетникова, смешанного с брезгливостью и у кого явным, у кого скрытым отталкиванием от этой «нагой» правды, лежало нежелание «образованного класса» принять и признать наличие темного и страшного пятна в самом сердце России — неких внутренних «папуасов» и дикарей не лучше «дикарей Тихого океана»: весь тот сложный и противоречивый комплекс чувств, мнений и заблуждений, который А. Эткинд определил как комплекс «внутренней колонизации».

Наиболее важное значение для оценки Решетникова имела статья Н. В. Шелгунова, наконец утверждающая его «как художника» и подчеркивающая новизну творческого метода Решетникова и его круга писателей. Сам метод был обозначен Шелгуновым как «народный реализм». В подходе к анализу творчества писателя критик исходил из ситуации недавно пережитого русским обществом потрясения «правдой» его произведений, использовал для решения своих задач уже опробованные другими сравнения, но заставил их звучать как своего рода приемы «остранения»: «В Решетникове нет ничего, что бы напоминало русскую литературу предшествовавшего периода. В сочинениях Решетникова все иное,

все не так; не тот мир, не те люди, не тот язык, не та жизнь, не те радости, даже не то горе и не те интересы. Точно путешествуешь в новой незнакомой части света, в какой-нибудь Океании» (Шелгунов Н. Народный реализм в литературе // Дело. 1871. № 5).

В советскую эпоху отношение к Решетникову поначалу было осторожным, поскольку писатель был поднят на щит народнической критикой, а от ее «наследства» принято было отказываться. Определенный перелом наметился в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «Большевицкий» критик А. Дивильковский обратил внимание на изображение бурлацкой жизни даже в «наиболее прославленном, чисто народническом» произведении «Подлиповцы» и, исходя из этого, утверждал, что «Решетников может быть признан за первого по времени пролетарского писателя», в других же произведениях он «уж прямоком выступает в роли... присяжного изобразителя рабочей жизни, главным образом горнозаводских рабочих Урала» (Дивильковский А. Пролетписатель начального часа (Ф. М. Решетников) // Красная новь. 1928. № 12). В содержании романов Решетникова подчеркивался социальный, массовый протест рабочих, глубина и сила представленного в них классового конфликта рабочих и хозяев предприятий, заводской администрации. В дальнейшем место критики заступает литературоведение, и в изданиях советской эпохи Решетников предстает как писатель, первым выразивший интересы рабочего класса, а следовательно, как художник безусловно значительный для новой эпохи, хотя не всегда доходивший до нужной ступени сознания. Однако это уже другая страница истории, имеющая отношение скорее к истории науки и ее методов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Векслер И. И. Ф. М. Решетников в критике. К истории классовой борьбы в русской критической литературе // Изв. АН СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 6. С. 545–588.